

Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров

ОПЫТ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ РЕГИОНОВ АФРИКИ И ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Этнографическое изучение народов мира и их традиционно-бытовых культур способствовало накоплению обширного материала для решения сложных задач историко-этнографического или историко-культурного районирования современной ойкумены. Однако перед исследователями стоят немалые трудности, которые в известной мере освещены нами в статье «Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования)»¹. Основываясь на теоретических положениях, развитых в этой статье, ее авторы предприняли попытку районирования и характеристики некоторых крупных географических регионов Тропической Африки и Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии на рубеже XIX и XX вв. Все страны этих регионов в то время были колониями империалистических держав или находились от них в большой экономической зависимости. Единственным исключением на востоке Азии была Япония, которая в конце XIX в. сама вступила на путь интенсивного капиталистического развития. Колониальные или полуколониальные режимы тормозили социально-экономическое развитие азиатских и африканских стран, искусственно консервируя в них многие особенности традиционно-бытовой культуры, восходящей во многих случаях еще к эпохам доклассовых, раннеклассовых или феодальных обществ. Надо также иметь в виду, что большинство рассматриваемых стран расположено в тропической или субтропической зоне Старого Света; это оказывало огромное влияние на развитие хозяйственных и культурных особенностей живших здесь народов; исключением являются только некоторые северные районы Восточной и Центральной Азии, лежащие в умеренном поясе.

Этнографически рассматриваемые нами страны имеют много общего, но и много различий. Своеобразие и культурное единство отдельных территорий — результат общности исторических судеб многих народов и многих поколений, связанных между собой и преемственностью языка, и специфическими особенностями материальной и духовной культуры. Ареалы распространения отдельных особенностей культуры и даже их комплексов часто не совпадают с этническими ареалами²; пересекаясь, они образуют на одной территории самые различные сочетания и меняются от эпохи к эпохе. Поэтому установление границ между историко-этнографическими областями и крупными провинциями — дело весьма сложное. И хотя основной единицей историко-этнографической классификации должна быть область, все-таки анализ приходится начинать с более крупных единиц — провинций, охватывающих, как правило, несколько близких между собой областей. Границы областей менее постоянны во времени, чем границы крупных провинций. Их установление и картографирование требует более углубленных и детальных исследований. А это дело будущего.

¹ См. «Сов. этнография», 1975, № 3, стр. 15—25.

² П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, М., 1951, стр. 5 и сл.; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971, стр. 168; Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 63.

На Африканском континенте нами избрана собственно Африканская тропическая провинция, лежащая южнее Сахары, а в Азии — более или менее таксономически равнозначные ей Юго-Восточноазиатская, Восточноазиатская и Центральноазиатская провинции. Положенные в основу настоящей статьи конкретные материалы заимствованы из разных работ советских и зарубежных этнографов, подобно тому как это было сделано в нашей статье о хозяйственно-культурных типах³. При подготовке работы были широко использованы также полевые материалы, собранные советскими учеными в разных африканских и азиатских странах.

Хотя характеристика выбранных нами провинций относится в основном к концу XIX и началу XX в., в данной статье нельзя не упомянуть о тех огромных исторических изменениях, которые произошли после Великой Октябрьской социалистической революции, и особенно во второй половине XX в., когда под напором национально-освободительного движения рухнули колониальные империи и угнетенные народы Африки и Азии пришли к независимости. Следует также иметь в виду, что в силу не преодоленной пока экономической отсталости, унаследованной от колониализма, в этих странах основная масса сельского населения еще сохраняет традиционные формы хозяйства и быта, которые складывались на протяжении столетий.

Африканская тропическая историко-этнографическая провинция

Расположенная в жарком поясе Африканская тропическая историко-этнографическая провинция включает часть континента южнее Сахары вместе с островами, из которых самый крупный — Мадагаскар. Здесь среднегодовая температура выше +20°; вблизи экватора выпадает много осадков и распространены влажные экваториальные леса (на Гвинейском побережье, в бассейне Конго), на остальной территории в зависимости от осадков — галерейные леса, редколесья и саванны; животный мир разнообразен и богат. Условия жаркого пояса несомненно влияли как на биологическую адаптацию разных популяций Тропической Африки, так и на хозяйственно-культурную дифференциацию населения этой историко-этнографической провинции.

В Африке многие советские и зарубежные ученые ищут, вслед за Чарлзом Дарвином, прародину человека. Действительно, находки предков древнейших людей приурочены к зоне активного тектогенеза — рифтам Восточной Африки, которые некоторые исследователи рассматривают как своего рода экологическую нишу, где и произошло зарождение человечества⁴.

На востоке Африки обнаружены древнейшие костные остатки непосредственных предков человечества, возраст которых определяется в 4—5 млн. лет, а также каменные орудия труда в культурных слоях, датируемых 2,6 и 2,1 млн. лет назад⁵.

Пока не удастся доказать преемственную связь между этими древнейшими обитателями Африки и расами людей современного вида этой

³ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования, «Сов. этнография», 1972, № 2.

⁴ L. Leakey, P. V. Tobias, J. A. Napier, New species of the genus Homo from Olduvai Gorge, «Nature», 1964, vol. 202, № 4927; R. Leakey, Man and sub-man on Lake Rudolf, «New Scientist», 1972, vol. 56, № 820; М. И. Урысон, Истоки семейства гоминид в свете данных палеоприматологии, в кн.: «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене», М., 1974, стр. 87—91; И. К. Иванова, Роль геолого-тектонических и палеогеографических факторов в становлении гоминид, там же, стр. 104—111.

⁵ В. П. Алексеев, Антропологические вопросы в происхождении человека, «Тезисы докладов научно-теоретической конференции „Атеизм и проблемы происхождения человечества“», М., 1974, стр. 7—11.

части света, которые сложились, вероятно, значительно позднее, в конце позднего палеолита, в мезолите и неолите, в процессе крупных передвижений и смешений различных популяций. В настоящее время большая часть Тропической Африки заселена негроидами, многие черты которых сформировались в процессе адаптации к жаркому и влажному климату. В экваториальных дождевых лесах кое-где сохранились группы низкорослых пигмеев, обычно выделяемых в особую негриллскую или центральноафриканскую расу. На открытых пространствах Южной и отчасти Восточной Африки в условиях более сухого климата издавна расселялись популяции южноафриканской, или койсанской, расы, к которой принадлежат бушмены, а также, вероятно, готтентоты и некоторые другие немногочисленные популяции. Север континента занимали на протяжении всей истории популяции южных европеоидов, а на северо-востоке были распространены переходные европеоидно-негроидные формы (восточноафриканская, или эфиопская, раса). Африканское негроидное население обитало, видимо, и на острове Мадагаскар вплоть до появления там 2000 лет назад переселенцев — монголоидов из Индонезии. Современное население острова смешанного происхождения. Однако в расовом типе преобладают южномонголоидные (малайские) черты⁶.

Особую группу в современном антропологическом составе населения провинции составляют так называемые «цветные», или мулаты ЮАР. Они произошли от смешения европейских поселенцев (буров) с коренными африканскими народами.

Для Тропической Африки характерно большое разнообразие хозяйственно-культурных типов (ХКТ). Здесь еще сохранились архаические формы, основанные на так называемой присваивающей экономике. Однако к началу XX в. всюду преобладали земледельческие ХКТ с использованием ручного труда в земледелии и подсобными занятиями (скотоводством, охотой, собирательством и рыболовством); в зоне саванн были развиты земледельческо-скотоводческие ХКТ оседлых и палочномотыжных земледельцев с тропическим земледелием (экстенсивным перекопным, интенсивным орошаемым и т. п.). Встречаются в зоне саванн полуседлые и полукочевые скотоводческие типы, нередко с охотой, собирательством и рыболовством⁷.

Для Тропической Африки была характерна стабильность хозяйственно-культурных традиций «присваивающих» форм хозяйствования на протяжении тысячелетий. Однако ХКТ, базирующиеся на охоте, собирательстве и отчасти рыболовстве, в начале XX в. отмечены лишь у немногих народов в экваториальных лесах Центральной Африки (племена пигмеев), в полупустынных областях Калахари (бушмены и др.)⁸. В то же время охота, собирательство и особенно рыболовство сохраняли вплоть до начала XX в. подсобное значение у многих африканских народов, уже перешедших к скотоводству или возделыванию сельскохозяйственных культур (проса-элевсины, сорго, теффа, фонно, а также риса и ячменя)⁹.

⁶ Я. Я. Рогинский, Антропологический состав населения Африки, «Расы и народы», 4, М., 1974, стр. 94—105; В. П. Алексеев, География человеческих рас, М., 1974, стр. 143—152.

⁷ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 10, 11.

⁸ «Народы Африки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1954; Г. Надь, Охотники и собиратели Восточной Африки, в кн.: «Охотники, собиратели, рыболовы», Л., 1972, стр. 108—126; Е. П. Дятел, Присваивающее хозяйство у пигмеев, бушменов и тиндига: особенности воспроизводства и развития», в кн.: «Африка: возникновение отсталости и пути развития», М., 1974, стр. 46—84; G. P. Murdock, Africa. Its peoples and their culture history, N. Y., 1959, p. 48—63.

⁹ Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XV—XIX вв., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LIII, М., 1960, стр. 19—27; Ю. М. Кобищанов, Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития, в кн.: «Африка: возникновение отсталости и пути развития», М., 1974, стр. 89.

В зоне лесов и редколесий были распространены клубне- и корнеплоды, а также бананы азиатского происхождения. Кукуруза — одна из ведущих современных культур — появилась из Нового Света лишь несколькими столетиями назад. То же самое относится к кассаве или маниоке.

Относительная «молодость» земледелия Тропической Африки подтверждается также преобладанием экстенсивных форм агротехники (перелог или подсека), почти полным отсутствием плуга, использованием преимущественно женского труда в земледелии, а также слабым развитием скотоводства из-за губительной мухи цеце. Огромную роль в распространении навыков земледелия в тропиках сыграли железные орудия труда. До сих пор самые распространенные сельскохозяйственные орудия — железные мотыги различных форм, колья с наконечником для подъема целины, ножи для очистки полей от кустарников и т. п.¹⁰

Сочетание земледелия со скотоводством мы находим лишь в немногих областях — там, где отсутствует муха цеце. В ряде районов встречаются ХКТ скотоводов-охотников без земледелия (готтентоты, масаи и др.), для которых характерно разведение крупного рогатого скота. Мясо его, как правило, не идет в пищу; используется лишь молоко и кровь скота. Но основу питания большинства африканцев составляют в основном растительные продукты (корнеплоды, бананы), хлеб в виде лепешек, каши из проса и риса. Особая роль принадлежит в Тропической Африке бананам. Их едят сырыми, вареными, жареными или тушеными; приготавливают из них муку. Важная группа продовольственных культур в зоне лесов Западной и Экваториальной Африки — корнеплоды (ямс и маниока); употребляются также таро, земляной орех, хлебное дерево, анансы, манго и др.¹¹

Почти во всей Тропической Африке в сельской местности распространены небольшие жилища круглой или овальной планировки с конической крышей, низким входом, без окон. Стены хижин делают либо из веток, обмазанных глиной, либо просто из глины, либо из камней. Каждая хижина — часть комплекса построек (жилые помещения, зернохранилища, навесы для очага, кладовые, загоны для скота), обнесенного глинобитной стеной, плетнем или живой изгородью. У скотоводов отдельные куполообразные хижины часто располагаются по кругу. Каркас хижины из гибких жердей покрывают тростником или циновками. У некоторых скотоводческих народов Восточной Африки (масаи, туркана) преобладают эллиптические каркасные постройки высотой не более 1,2—1,5 м, покрытые сухой травой и обмазанные кизяком. Поселения земледельцев нередко располагаются обособленно, но родственники всегда живут по соседству. Часто это большая семья, включающая также братьев главы семьи и его взрослых сыновей с их семьями. В бассейне Конго и в Камеруне хижины прямоугольной постройки с двускатной крышей. В Верхней Вольте встречаются даже многоэтажные дома прямоугольной формы. Наиболее примитивны традиционные постройки бушменов, горных дамара в Южной Африке — в виде ветровых заслонов из веток¹².

В характере одежды народов крупных областей Тропической Африки можно заметить большие различия. В Южной Африке у бантуязычных народов в XIX и начале XX в. мужчины и женщины носили род плаща или накидки из шкуры — каросс, набедренники и передники. Украшениями служили нитки бус, ручные и шейные кольца, браслеты, налобные повязки. Сходная одежда была распространена в прошлом и во внутренних областях Экваториальной Африки. Однако на побережье

¹⁰ И. И. Синягин, Тропическое земледелие, М., 1968, стр. 35—52; И. А. Сванидзе, Сельское хозяйство Тропической Африки, М., 1972, стр. 156—168.

¹¹ П. А. Баранов, В Тропической Африке, М., 1956, стр. 208—244.

¹² «Народы Африки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1954, стр. 236, 243, 317, 332 и др.

Индийского океана под влиянием арабов мужчины носят хлопчатобумажные рубахи ниже колен, кусок ткани служит одновременно и поясом, и юбкой, на голове — тюрбан. В женской одежде преобладают рубахи и штаны, а также передники.

В Западной Африке в зоне саванн, где многие народы исповедуют ислам, распространены (например, у хауса) широкая рубаха и шаровары; верхняя женская одежда состоит из куска длинной ткани, которой обертывают нижнюю половину тела. Большим разнообразием во всей Тропической Африке отличаются женские прически, к чему располагают спирально-завитые волосы африканцев. У многих народов практиковалось нанесение рубцов на теле или лице.

В духовной жизни африканских народов архаические религиозные верования и культы нередко тесно переплетаются с развитыми религиями — христианством и исламом¹³. В родо-племенных культах еще недавно важное место занимали обряды, связанные с наиболее значительными моментами жизни (вступление юношей в разряд взрослых, брак и т. п.). В ряде африканских стран сформировались отколовшиеся от западноевропейских церквей различные христианско-африканские церкви и секты. В северных районах Тропической Африки, а также на побережье Индийского океана и островах преобладает ислам.

В народном изобразительном искусстве сохраняются богатые традиции искусства деревянной и бронзовой скульптуры, резьбы по дереву (резные фигуры предков, резные чаши, маски, табуреты и т. п.), изготовления циновки и корзин. Очень высока музыкальная культура народов Тропической Африки¹⁴. Она неотделима от песни и танца, поражает свободными ритмами. Музыка сопровождает и празднества, и различные хозяйственные работы. Большим разнообразием отличаются музыкальные инструменты; мелодитмы говорящих барабанов передают вести из одной местности в другую. Музыкальность африканцев объясняется в известной мере строем языков: многим африканским языкам присуща тональность, когда изменение музыкального тона влечет за собой смысловое изменение слова.

Прочно установившейся классификации языков Тропической Африки еще нет. Среди ученых англоязычных стран распространена классификация Дж. Гринберга, который объединяет все языки Западного Судана и банту в одну конго-кордофанскую семью; он выделяет также языки нило-сахарские (от сонгайского до нилотских) и отдельно койсанские¹⁵. В СССР принята классификация Д. А. Ольдерогге, который считает возможным объединить почти все языки населения к югу от Сахары в одну группу «зинджских» языков; для них характерны общие черты: наличие именных классов и тональность. Он также выделяет в Африке палеоафриканские и готтентотские языки¹⁶.

Наиболее сложен языковый состав населения Западной Африки. В полосе саванн с давних времен интенсивно протекали процессы переселений, этнических и культурных контактов. Еще в древности здесь жили народы, языки которых были близки по своему типу языкам банту. В настоящее время подобные языки сохранились на крайнем западе (языки атлантические), в центральных областях Судана (языки гур) и к югу от оз. Чад (восточные бантоидные). Крайнему разнообразию языковых групп Судана противостоит моногенная группа языков банту, самые древние ареалы которой расположены к югу от экватора — в об-

¹³ Б. И. Шаревская, Старые и новые религии Тропической и Южной Африки, М., 1964; Г. А. Шпажников, Религии стран Африки, М., 1967.

¹⁴ «Очерки музыкальной культуры народов Тропической Африки. Сборник статей», М., 1973, стр. 7 и сл.

¹⁵ J. Greenberg, The languages of Africa, The Hague, 1966.

¹⁶ Д. А. Ольдерогге, О некоторых этнолингвистических проблемах Африки, «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969, стр. 135—157.

ласть Шаба (бывш. Катанга)¹⁷. На о. Мадагаскар давние переселенцы из Индонезии принесли с собой язык австронезийской лингвистической семьи, культурные традиции и расовые особенности народов Юго-Восточной Азии.

Население Тропической Африки отличается огромным многообразием. Яркие контрасты можно заметить во всем: и в расовых различиях — сочетании, например, по соседству самых высоких (тутси) и самых низких (пигмеи) людей на континенте, и в языковом составе — большом количестве отдельных, изолированных языковых семей. Эти контрасты отражаются в глубокой дифференцированности языков, в различии типов этнических общностей и уровней культуры; сосуществованию, например, первобытнообщинных и патриархально-феодальных порядков с зарождающимися капиталистическими отношениями. Для Тропической Африки характерно распространение самых различных религиозных верований — традиционных африканских (культы предков и т. п.), ислама и христианства. В то же время, несмотря на столь значительную историко-культурную пестроту населения, в пределах всей Африканской Тропической провинции довольно четко выделяются несколько крупных областей: 1) Западноафриканская, или Западнотанзанская, область с тремя подобластями — Атлантической, Гвинейской и Центральнотанзанской, 2) Западная тропическо-африканская область, 3) Восточноафриканская область, 4) Южноафриканская область, 5) Мадагаскарская островная область.

Между народами, населяющими эти области, много различий в уровнях социально-экономического развития, расовом, языковом, этническом, религиозном и культурном отношении, но много и общих черт традиционно-бытовой культуры, о которых мы говорили выше; кроме того, почти все эти народы до недавнего времени находились в условиях колониального угнетения. Их объединяет общность исторической судьбы и борьба с колонизаторами. В этих странах колониализм оставил множество проблем, важное место среди которых занимает борьба с экономической отсталостью, этнической и языковой разобщенностью¹⁸. В современной Тропической Африке еще встречаются общественные отношения, соответствующие почти всем стадиям развития человечества, самые различные уровни экономики и культуры: от небольших бродячих групп примитивных собирателей и охотников Калахари, сохраняющих родовой строй, до мелких и более крупных народностей с давно оформившимися классовыми отношениями и, наконец, многомиллионных наций с развитыми капиталистическими отношениями¹⁹. После завоевания независимости в Тропической Африке на первое место выдвинулись процессы сложения больших общностей на основе близких по языку и культуре народов, в то же время активно развиваются и процессы сближения народов в рамках современных государств и формирования более широких национально-политических общностей²⁰. Развитие национальных (этнических) и историко-этнографических процессов в традиционно-бытовой сфере тесно переплетается с общим социально-политическим и экономическим прогрессом африканских государств. Большую роль в этом играет ликвидация последствий колониализма, преодоление экономической и культурной отсталости²¹.

¹⁷ Д. А. Ольдерогге, Указ. раб., стр. 149.

¹⁸ Р. Н. Исмагилова, Этнические проблемы современной Тропической Африки, М., 1973, стр. 351—360.

¹⁹ Б. В. Андрианов, Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки, «Вопросы истории», 1967, № 9, стр. 109.

²⁰ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, «Сов. этнография», 1961, № 4.

²¹ См. «Марксистско-ленинская наука о путях преодоления отсталости африканских стран (Материалы ко II Всесоюзной конференции африканистов СССР. М., октябрь, 1974)», М., 1974, ч. I—II.

Юго-Восточноазиатская историко-этнографическая провинция

Юго-Восточноазиатская историко-этнографическая провинция включает Индокитай (в широком смысле — от Бирмы до Вьетнама), Индонезию и Филиппины. До конца I — начала II тысячелетия н. э. в ту же провинцию входила территория современного Китая к югу от Янцзы (дольше всего Юньнань, Гуанси, острова Хайнань и Тайвань), а еще раньше (в неолите) — и более северные приморские районы Восточной Азии. Как показывают палеоантропологические и археологические данные, территория Юго-Восточноазиатской историко-этнографической провинции не входила, по-видимому, в прародину человечества, но была заселена древнейшими людьми (архантропами) с запада уже в нижнем палеолите, миллион лет назад, а может быть, и еще раньше. Различные группы бродячих охотников и собирателей распространялись как в материковой (Индокитай и юг современного Китая), так и в островной (Индонезия, Филиппины) части Юго-Восточной Азии на протяжении всего древнего каменного века. В позднем палеолите и мезолите на островах преобладали, вероятно, австралоидные популяции, представленные черепами из Ниа (Калимантан), Ваджака (Ява) и Аитапе (Новая Гвинея), а на материке наряду с австралоидами уже расселялись, возможно связанные с ними генетически, южные монголоиды, которым принадлежали костные остатки из Люцзяна и Цзяняна на юге Китая и из Тампонга в Лаосе²². Взаимодействие австралоидов и южных монголоидов со все возрастающим преобладанием последних проходит как бы красной нитью через всю историю расового состава населения Юго-Восточной Азии и остается ее характерной особенностью вплоть до наших дней.

В конце позднего палеолита и в мезолите во многих районах Юго-Восточной Азии, особенно в прибрежных районах и на островах, получает широкое распространение усложненное собирательство, а также рыболовство и сбор съедобных моллюсков, ракообразных, водорослей и других «даров моря». На базе развития этого вида хозяйственной деятельности возможен был переход от бродячего образа жизни к оседлому в разных формах (приморской, озерной, речной). К VII тысячелетию до н. э., по мнению некоторых исследователей, относятся первые шаги экстенсивного ручного земледелия в предгорных районах, связанные вначале с культивированием клубнеплодов и корнеплодов, в первую очередь таро и ямса, а также разных видов гороха, бобов, тыквы-лагенарии, перца и др.²³ С мезолитической хоабиньской культурой, центральный ареал которой находился на территории современного Вьетнама, можно связывать начало формирования Юго-Восточноазиатской историко-этнографической провинции; в пользу этого свидетельствуют находки топоров и других орудий хоабиньского типа на очень широкой территории, включающей многие районы Индокитая, Южного Китая, Индонезии и Филиппин²⁴. По мнению многих ученых, в пригималайских районах Юго-Восточной Азии в III тысячелетии до н. э. началось культивирование риса, который в дальнейшем стал основной продовольственной высокопродуктивной культурой большинства наро-

²² А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Антропология и этнография о происхождении китайцев, «Расы и народы», 3, М., 1973, стр. 90, 91; N. N. Tchekobсарov, *Problemes essentiels d'antropologie ethnique de l'Asie du Sud-East*, «XXIX International congress of orientalis (Paris, July 16—22, 1973)», М., 1973, p. 8, 9.

²³ Я. В. Чеснов, Юго-Восточная Азия — древний культурный центр, «Вопросы истории», 1973, № 1, стр. 186—192; C. F. Gorman, Hoabinhian transformation in Early South-East Asia, «Background data paper presented at the 68th Annual Meeting of the American Anthropological Association, 1969», New Orleans, 1969, p. 7—14.

²⁴ П. И. Борисковский, Первообытное прошлое Вьетнама, М.—Л., 1966, стр. 84, 85.

дов рассматриваемой провинции к западу от Ломбока²⁵. Плуг появился на юго-востоке Азии в эпоху бронзы: в стоянках донгшонской культуры Вьетнама находят бронзовые лемехи. Само название одной из основных групп народов Индокитая — тай — означает «плуг», «плужники». Однако в более южных материковых районах, а также в Индонезии и на Филиппинах распространение плуга относится только к первым векам нашей эры. Распространение это происходило под индийским, а возможно, и под китайским влиянием. В качестве тягловой силы использовались буйволы (гораздо реже быки)²⁶.

Для всей дальнейшей истории Юго-Восточноазиатской провинции характерно развитие и взаимодействие различных хозяйственно-культурных типов, сложившихся во влажных тропиках и субтропиках: лесных собирателей и охотников (горный пригималайский вариант), береговых собирателей «даров моря» и рыболовов, мотыжных земледельцев жаркого пояса, наконец пашенных земледельцев, большей частью с развитой ирригацией. Все перечисленные хозяйственно-культурные типы (кроме, быть может, последнего) возникли в пределах Юго-Восточной Азии; плужное же земледелие, ставшее экономической основой высоких цивилизаций Востока, проникло сюда сравнительно поздно, скорее всего двумя путями (из Индии и из Китая), и распространилось далеко не повсеместно, особенно в горных районах на Филиппинах и в Восточной Индонезии²⁷. Несмотря на различный уровень социально-экономического развития народов Индокитая, Индонезии и Филиппин и наличие у них многих хозяйственно-культурных типов, а также несмотря на неоднородность расового и языкового состава, почти у всех этих народов (включая в прошлом и аборигенов Южного Китая и Северо-Восточной Индии) прослеживаются сходные черты материальной и духовной культуры, которые и позволяют говорить о существовании по крайней мере с неолита большой историко-культурной общности в этом регионе.

Народы Юго-Восточной Азии при расчистке леса и других работах употребляли каменные, а позднее железные топоры и большие ножи, которые служили своего рода универсальным орудием и в земледелии. Они широко использовались наряду с «сажальным» колом, когда надо было сделать углубление в почве для посева после пожара.

Очень характерны для большинства народов рассматриваемой провинции свайные постройки, которые стали исчезать только у некоторых крупных этносов с развитым поливным рисоводством (вьетнамцы, яванцы)²⁸. Крыши жилых и хозяйственных построек большей частью высокие из-за большого количества осадков. У некоторых народов бытуют дома без стен в виде перевернутых лодок, что связано, вероятно, с сильными ветрами — тайфунами. В качестве строительного материала наряду с разными деревьями тропического пояса применяются бамбук и пальмовые листья (вай).

Пища преимущественно растительная: разварной рис, реже просо, клубнеплоды и корнеплоды, разные бобовые, капуста и другие овощи, в последнее время также кукуруза, батат, маниока; в тропической зоне —

²⁵ Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, «Сов. этнография», 1967, № 3, стр. 62, 63; Я. В. Чеснов, Распространение риса в Южной Азии и некоторые вопросы этногенеза, «Очерки экономической и социальной истории Индии», М., 1973, стр. 28—45; J. B. A. v. è, Suggestions for a more practical classification of the ethnic groups in the Republic of Indonesia, «Anniversary contributions to anthropology», Twelve essays, Leiden, 1970, p. 111—120.

²⁶ В. Р. Кабо, Н. Н. Чебоксаров, Первоначальное заселение и древнейшая этническая история. «Народы Юго-Восточной Азии», (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1966, стр. 63, 64; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова Указ. раб., стр. 210—213.

²⁷ С. А. Семенов, Происхождение земледелия, Л., 1974, стр. 226—236; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб., стр. 221.

²⁸ Я. В. Чеснов, О специфике свайных жилищ Юго-Восточной Азии, «Сов. этнография», 1965, № 3, стр. 59—69.

кокосовые орехи, плоды хлебного дерева и дуриана, местами сердцевина саговой пальмы. Широко распространены блюда из рыбы (часто в квашеном виде) и других «даров моря», мясо едят редко (главным образом свиное и домашней птицы). В большом ходу острые соусы. Молоко и молочные продукты в доколониальный период почти не употребляли. В качестве наркотического средства употребляется бетель (орехи арековой пальмы с известью, завернутые в листья перечного растения).

Основу традиционной, первоначально очень скудной, одежды народов Юго-Восточной Азии составляли передники из растительных волокон, которые с распространением прядения и ткачества постепенно сменились набедренными повязками (главным образом у мужчин) и юбками, большей частью несшитыми (как у мужчин, так и у женщин); в ходу были также прямоугольные накидки, иногда с отверстиями для головы, напоминающие южноамериканские пончо. Позднее как у мужчин, так и у женщин распространились распахнутые куртки; только у вьетов мужчины и женщины стали носить штаны, которые, вероятно, были заимствованы у народов Центральной Азии через Китай. Из головных уборов следует отметить широкополые шляпы из соломы, бамбуковых пластинок или пальмовых листьев (вай). Большая часть населения Юго-Восточной Азии, особенно в деревнях, ходит без обуви, некоторые носят плетеные сандалии²⁹.

Традиционно-бытовая духовная культура народов Юго-Восточной Азии очень разнообразна, особенно со времени распространения в этой части ойкумены с первых веков нашей эры буддизма и индуизма, а позднее ислама (с VII—VIII вв.) и христианства (в XVI—XX вв.). Но под этими сравнительно поздними наслоениями лежат мощные пласты местных народных представлений, племенных религий и культов, изобразительного искусства и фольклора. К таким пластам принадлежат многие обряды и обычаи весенних праздников, связанных с водными культурами (например, гонки на лодках с резными изображениями драконов, взаимное обливание водой на празднествах); сказочные сюжеты о смелом и находчивом зайце, побеждающем тигра или крокодила (в Индонезии заяц заменен маленьким оленем — «канчилом»), о трудолюбивом и терпеливом буйволе — верном помощнике земледельца³⁰.

С политической историей разных стран Юго-Восточной Азии и распространением в них мировых религий связано в известной мере выделение в этой обширной историко-этнографической провинции областей второго порядка. На материке выделились Западноиндокитайская (Бирма, Таиланд) и Восточноиндокитайская (Лаос, Камбоджа, Вьетнам) области. Для первой характерны тесные культурные связи с Индией, господство южного толка буддизма (Тхеравады), преобладание английского влияния в колониальную эпоху; для второй — связи с Китаем (особенно интенсивные во Вьетнаме), взаимодействие Тхеравады (Хинаяна) и Махаяны (во Вьетнаме), отчасти ислама (у чамов), французское влияние в XIX—XX вв. В островной части Юго-Восточной Азии (вместе с Малаккой) сложились Западноиндонезийская (Малайзия, Суматра, Ява, Мадуро, Бали, Калимантан и соседние мелкие острова), Восточноиндонезийская (весь остальной Малайский архипелаг) и Филиппинская области³¹. В первой из этих островных областей на индуистско-буддийской

²⁹ Сводку фактических данных по этнографии народов Юго-Восточной Азии, частично основанную на оригинальных полевых материалах, см.: «Народы Юго-Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1966; Е. В. Иванова, Тайские народы Таиланда, М., 1970; А. А. Бернова, Население Малых Зондских островов, М., 1972. См. также: Н. Н. Чебоксаров, Сорок дней в Индонезии, «Вестник Академии наук СССР», 1962, № 10, стр. 81—83.

³⁰ Фактические данные см. в работах, указанных в предыдущей сноске.

³¹ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб., стр. 221; Н. Н. Чебоксаров, Историко-этнографическое районирование Дальнего Востока, Сб. «Проблемы истории Дальнего Востока», Владивосток, 1969, стр. 131—146.

...ове распространился ислам; во второй области его распространение также имело место, но было менее интенсивным, а в период колониализма с исламом столкнулось христианство (протестантизм и католицизм) при сильном сохранении у многих народов местных племенных культов; в третьей — католицизм, принесенный испанцами в XVI в., стал господствующим, хотя на юге у моря сохранился ислам, а в горах — местные «языческие» верования³².

Этническая история Юго-Восточной Азии характеризуется, как мы уже говорили, взаимодействием древнего аборигенного населения (принадлежавшего к экваториальным австралоидным расам и говорившего, возможно, на языках, сходных с папуасскими)³³ с более поздними переселенцами из материковой Азии, которые антропологически входили в контактную южноазиатскую группу, а лингвистически относились к индонезийцам и мон-кхмерам, позднее также к вьетам, мяо-яо, таи и тибето-бирманцам. Переселение это, начавшееся в середине II тысячелетия до н. э. из южных районов Китая (входивших тогда в состав той же Юго-Восточноазиатской провинции), продолжается до настоящего времени. В качестве последней миграционной волны можно рассматривать китайскую колонизацию Юго-Восточной Азии, наиболее интенсивную в Малайзии и Сингапуре, в котором в наши дни китайцы составляют уже большинство населения. В XX в. определенное значение в этнической истории Малайзии и Сингапура приобрела также индийская иммиграция, преимущественно тамильская и североиндийская. Главная тенденция современных этнических процессов в странах Юго-Восточной Азии, которые все (кроме Таиланда) были до второй мировой войны колониями, заключается в национально-политической консолидации в рамках исторически сложившихся государств. В странах, где один этнос численно значительно преобладает, именно он образует ядро формирующейся нации, другие народы остаются национальными меньшинствами, хотя во многих случаях и продолжают свое самостоятельное прогрессивное этнокультурное развитие (Вьетнам, Камбоджа, Бирма, Таиланд, отчасти Лаос). В странах, населенных различными, но большей частью родственными по происхождению, культуре и языку народами, процесс национального развития протекает сложнее; здесь возникает несколько очагов консолидации с перспективой их последующей общенациональной интеграции (Индонезия, Филиппины). Наконец, на юго-востоке Азии есть страны с полиэтничным составом населения, включающим неродственные народы, которые еще долго будут развиваться, не сливаясь в рамках одного государства (Малайзия, Сингапур). В ДРВ все этнические процессы определяются общим социалистическим направлением развития³⁴.

Восточноазиатская историко-этнографическая провинция

Восточноазиатская историко-этнографическая провинция (весь восток Китая с Маньчжурией, Корея и Япония), примыкающая с севера к Юго-Восточноазиатской, не входила, по-видимому, в область становления древнейших гоминид, она была освоена ими только за 500—600 тыс. лет

³² С. А. Токарев, Религия в истории народов мира, М., 1964, стр. 74—83, 435—456, 510—526; П. И. Пучков, Современная география религий, М., 1975, стр. 105—127.

³³ Возможно, остатками этих групп являются племена, говорящие на северохальмацких языках, некоторые племена Тимора и других островов Восточной Индонезии.

³⁴ Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Заключение к сборнику «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии», М., 1974, стр. 286—319; S. I. Bruck, N. N. Cheboксаров, Y. V. Chesnov, National processes in Asiatic Countries Outside the USSR, «Races and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems», М., 1974, p. 182—211.

до н. э., возможно, двумя путями: с юга, со стороны Индокитая и Тайваня, и с запада — из Центральной Азии. На протяжении всего древнего каменного века на востоке Азии, включая Японию, которая временами соединялась с материком мостами суши, жили немногочисленные группы охотников и собирателей. На востоке, где климат был более влажным и находился под постоянным воздействием муссонов, уже в позднем палеолите и мезолите складывались хозяйственно-культурные типы прибрежных охотников, собирателей «даров моря» и рыболовов, а на западе, где было гораздо суше, развивались ХКТ подвижных охотников за степными животными: антилопами, разными оленями, может быть, дикими лошадьми, а из крупных птиц — страусами³⁵. Немногочисленные палеоантропологические материалы показывают, что уже тогда в населении Восточной Азии большую роль играли высоколикие восточные монголоиды, которым принадлежали, по-видимому, позднепалеолитические черепа из Шаньдиндуна. Преобладание этой северной ветви тихоокеанских монголоидов сохранялось в Восточноазиатской провинции на протяжении всей ее истории, хотя на Японских островах и Тайване они смешивались с более древними австралоидами («протоайнами») и южными монголоидами, проникшими с юга, а на севере и западе, на границах с Сибирью и Средней Азией, взаимодействовали с северными континентальными монголоидами и различными популяциями европеоидов³⁶.

Ручное земледелие с чумизой в качестве основной сельскохозяйственной культуры возникло, по новейшим археологическим данным, в Восточной Азии раньше всего — в V—IV тысячелетиях до н. э., по-видимому, в среднем течении Хуанхэ и на ее главном притоке Вэйхэ, где сосредоточено большинство памятников неолитической культуры Яншао с крашеной керамикой, изготовлявшейся еще без гончарного круга. Почти одновременно с культурой Яншао в бассейне р. Ханьшуй (левый приток Янцзы) развивалась культура оседлых земледельцев Цюйцзялин, знакомых с выращиванием риса, обугленные зерна которого находят на цюйцзялинских поселениях. Третьей неолитической культурой Северного Китая была земледельческая культура Мацзяяо в верховьях Хуанхэ; земледельцы раскрашивали глиняную посуду после обжига. Они убирали урожай плоскими каменными или керамическими ножами с отверстиями для продевания ремешков или веревок; из домашних животных были известны свиньи и собаки, употреблявшиеся в пищу. Значительную роль играли рыболовство и охота.

Жилищами служили глинобитные хижины на каркасно-столбовой основе, часто полужемляночного типа. В конце III тысячелетия до н. э. в среднем и нижнем течении Хуанхэ на смену Яншао пришла культура Луншань с серой и черной керамикой, изготовлявшейся на гончарном круге. Главной земледельческой культурой луншаньцев оставалась чумиза, которую можно было возделывать без ирригации, так как климат тогда был более влажный и теплый, чем в настоящее время. В одной из луншаньских стоянок найдены отпечатки двузубого деревянного орудия для вскапывания земли — «лэй», широко известного у китайцев и других народов Восточной Азии в более поздние исторические эпохи. Среди до-

³⁵ Линь Яо-хуа, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы Китая. «Востоочноазиатский этнографический сборник», II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР»: LXXIII, М., 1961, стр. 17—21; М. В. Крюков и Н. Н. Чебоксаров, Древнее расселение человека, «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1965, стр. 43—50.

³⁶ У Жу-кан, Н. Н. Чебоксаров, О непрерывности развития физического типа, хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая, «Сов. этнография», 1959, № 4, стр. 3—25; М. А. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 89, 90; Chang Kwang-chih, New evidence on fossil man in China, «Science», 1962, vol. 136, № 3518, p. 749—760.

машных животных наряду с собаками и свиньями появились козы и крупный рогатый скот, распространившиеся, вероятно, с Запада через Центральную Азию³⁷.

Луншаньская культура была связана, по-видимому, с племенами «ся». На смену «ся» пришли родственные им племена «шан», позднее получившие название «инь». У этих племен во II тысячелетии до н. э. сложилось раннеклассовое общество. Иньцы владели техникой бронзолитейного производства, знали шелководство, разводили лошадей, которые использовались для упряжки, в частности в боевые колесницы. К иньским надписям на костях восходят корни китайской иероглифической письменности, в дальнейшем получившей широкое распространение во всей Восточной Азии. Однако традиционно-бытовая культура иньцев сравнительно мало отличалась от культуры яншаосцев и луншаньцев; так, например, основным орудием обработки земли оставался двузубый лэй, изображение которого встречается в надписях на костях. Архаические приемы сохранялись и при постройке зданий, вплоть до крупных дворцов и храмов, в которых опорой всей конструкции служили вертикальные столбы, а материал стен (утрамбованная земля, глина, а позже сырцовый и обожженный кирпич) лишь заполнял пространства между ними³⁸. В более позднее время, когда династию Инь сменила династия Чжоу, а затем Чжоуское государство распалось на несколько независимых царств, развивалась по существу та же традиционно-бытовая культура; началось распространение этой культуры на юг и восток вплоть до берегов Тихого океана. В середине I тысячелетия до н. э. на территории современного Китая распространились навыки изготовления железа, а также пашенное земледелие, проникшие на восток Азии, возможно с Запада из стран Средиземноморья через Среднюю и Центральную Азию. Во всяком случае несомненно, что в рассматриваемое время уже сложились почти все характерные особенности хозяйства и культуры Восточноазиатской историко-этнографической провинции, хотя и не определились окончательно ее границы. Формированию особой Северокитайской области в пределах Восточноазиатской провинции способствовало возникновение в конце III в. до н. э. рабовладельческой Ханьской империи и китайского этноса. В состав этой империи кроме китайцев входили различные племена, которых официальные китайские летописи считали варварами: тунгусо-маньчжурские и монгольские на севере, тюркские, тохарские и иранские на западе, тибето-бирманские на юго-западе мон-кхмерские (включая древних вьетов и мяо-яо), тайские и индонезийские на юге и отчасти на востоке³⁹.

Формирование Корейской и Японской историко-этнографических областей происходило позднее, чем Северокитайской, и первоначально под ее воздействием (что не исключает обратных влияний, становившихся с течением времени все более и более интенсивными). В Корее навыки земледелия появились позднее, чем в Северном Китае, а в Японии — только в эпоху культуры яёи (IV в. до н. э.— IV в. н. э.). К тому же времени относится распространение бронзы, а затем и железа и образова-

---

³⁷ Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 64—66; А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 91, 92; М. В. Крюков, Возникновение цивилизации древних китайцев, в кн. «История Китая с древнейших времен до наших дней», М., 1974, стр. 6—10; J. G. Anderson, Children of the Yellow Earth, London, 1934.

³⁸ Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 57—59; А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 96, 97; М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 10—13.

³⁹ Р. Ф. Итс, М. В. Крюков, А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Исторический очерк, «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1965, стр. 139—143; Л. С. Переломов, Деспотии Цинь и Хань в III—I вв. до н. э., в кн. «История Китая с древнейших времен до наших дней», М., 1974, стр. 33—40.

ние первых государств. Часть Кореи в конце II в. до н. э. была включена в состав Ханьской империи, что способствовало распространению китайского влияния. Как известно, Япония никогда не завоевывалась Китаем, но ее экономические и культурные связи с Ханьским государством были очень интенсивными⁴⁰.

Во всей Восточной Азии с течением времени сложились общие хозяйственно-культурные особенности, позволяющие рассматривать ее большую часть в качестве особой историко-этнографической провинции. В области сельского хозяйства к таким особенностям принадлежит выращивание просяных (просо, чумиза, гаолян и др.), засухоустойчивых сортов пшеницы, в меньшей степени риса (главным образом в Корее и Японии), различных овощей, особенно капусты и редьки, а также всевозможных бобовых; характерна ирригация в условиях недостатка воды, использование отбросов и человеческих фекалий в качестве удобрения; при пахоте как тягловая сила использовался крупный рогатый скот, реже лошади, ослы.

Общими для большинства восточноазиатских народов являются также каркасно-столбовые постройки с различным заполнением стен и бесстропильной конструкцией кровли в засушливых районах, часто плоской или плоскодвускатной. На севере Китая и в Корее распространены отопляемые лежанки («кан», «ондоль»). В быту для разных целей используются всевозможные циновки, корзины и другие вещи из тростника, соломы, а в более южных районах — из бамбука.

Одежда большинства народов рассматриваемой провинции включает разные типы набедренных повязок, распашных курток и халатов (в частности, японское кимоно); в средние века из Центральной Азии в Китай распространились куртки и халаты с дополнительной левой полой с запахом направо, а также мужские и женские штаны⁴¹.

В области духовной культуры для Восточной Азии характерен красочный асимметричный орнамент, узорное тканье и вышивка с преобладанием растительных мотивов, изображений насекомых, рыб, птиц и других (часто фантастических) животных, своеобразная пейзажная живопись с особой перспективой типа китайской «гохуа». В фольклоре и литературе распространены большие эпические циклы и романы (китайские «Саньго», или «Троецарствие», «Путешествие на Запад», японские «моноготари»). Чрезвычайно разнообразны народные формы театра. Архаические аграрные культы переплетаются с очень развитым культом предков, который тесно связан с традиционно патриархальными отношениями в семье и обществе, устойчиво сохранявшимися на протяжении всего феодального, а частично и капиталистического периодов. Очень характерен синкретизм развитых морально-этических и религиозных систем (конфуцианство, даосизм, буддизм, синтонизм). Большинство населения в религиозном отношении довольно индифферентно. Исключение составляют только исламизированные в средние века группы населения (например, хуэй) и последователи некоторых сект. Христианство распространено сравнительно мало, главным образом в городах. Политическая жизнь во всех странах Восточной Азии (Китай, Корея и

---

⁴⁰ С. А. Арутюнов, Этническая история Японии на рубеже нашей эры. «Востоочноазиатский этнографический сборник», II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», LXXXIII, М., 1961, стр. 137—175; Р. Ш. Джарылгасинова, Когурёсцы (историко-этнографическое исследование), там же, стр. 176—216; С. А. Арутюнов, Современный быт японцев, М., 1968; Р. Ш. Джарылгасинова, Древние когурёсцы, М., 1972.

⁴¹ Линь Йо-хуа, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 5—46; Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии, в кн. «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1965, стр. 90—112; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Указ. раб., стр. 220, 221.

Япония) на протяжении всей их истории отличалась высокой активностью⁴².

Этногенетически Восточная Азия — зона формирования тихоокеанских монголоидов и народов китайско-тибетской языковой семьи, а также корейцев и японцев. Постепенно продвигаясь с севера на юг и отчасти с запада на восток, тихоокеанские монголоиды взаимодействовали с монголоидо-австралоидными и австралоидными популяциями, широко распространенными у более южных народов — среди мон-кхмеров, а также среди родственных им предков мяо, яо и вьетов, тайских и индонезийских этносов; следует также отметить, что границы расселения последних в прошлом простирались гораздо дальше на север, с чем связаны многие южные антропологические и хозяйственно-культурные черты современных китайцев, а возможно, и корейцев. В Японии наряду с индонезийцами большую роль в этногенезе играли австралоидные айны, а позднее — близкие к древним корейцам племена, по языку родственные, по-видимому, алтайским народам Центральной Азии⁴³.

В связи с этими этническими процессами внешние границы Восточноазиатской историко-этнографической провинции и ее отдельных областей (кроме морских) долгое время оставались подвижными. Весь юг Китая, как мы видели, первоначально относился к Юго-Восточноазиатской провинции и только с китаизацией этой территории в I—II тысячелетиях н. э. вошел в состав Восточноазиатской провинции в качестве особой южнокитайской области, население которой вплоть до наших дней сохранило многие южные элементы в антропологическом составе и традиционно-бытовой культуре⁴⁴. Весь запад современного Китая, политически вошедший в его состав только в XVIII—XIX вв., с историко-этнографической точки зрения и в настоящее время не относится к Восточной Азии. Маньчжурия (кроме крайнего юга) была заселена китайцами еще позднее — в конце XIX — начале XX столетия.

Очень своеобразными были за последние 100 лет пути развития Японии и Кореи. Япония стала одной из ведущих империалистических держав, в которой высокий промышленный потенциал и накал классовой борьбы сочетаются с сохранением специфической традиционно-бытовой культуры в быту сельского, а в значительной степени и городского населения. Корея после освобождения от японской оккупации оказалась искусственно разделенной на две половины, из которых северная (КНДР) вступила на путь социалистического строительства. В 1949 г. была образована Китайская Народная Республика. Но строительство социализма здесь поставлено под угрозу из-за авантюристической политики маоистов.

⁴² Сводку фактических данных по этнографии народов Восточной Азии, в значительной степени основанных на оригинальных полевых материалах, см.: «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1965; С. А. Арутюнов, Современный быт японцев; С. А. Арутюнов, Г. Е. Светлов, Старые и новые боги Японии, М., 1968; Р. Ш. Джарылгасинова, Корейская национальная одежда в коллекциях МАЭ. Женская одежда, «Культура народов зарубежной Азии и Океании», Сб. МАЭ, XXV, Л., 1969; В. С. Стариков, Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР, М., 1967.

⁴³ Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации Восточной Азии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. II, 1947, стр. 24—83; его же, К вопросу о происхождении китайцев; его же, Основные проблемы этнической антропологии Дальнего Востока, в сб. «Вопросы истории Советского Дальнего Востока», Владивосток, 1965, стр. 37—50; А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 106—110; С. А. Арутюнов, Языки Восточной Азии, «Народы Восточной Азии», стр. 113—124; С. Е. Яхонтов, О классификации языков Юго-Восточной Азии, «Страны и народы Востока», вып. XV, М., 1973, стр. 303—308; Chung shee H. Liu, A tentative classification of the races of China, «Zeitschrift für Rassenkunde», 1973, Bd VI, Nr. 2, S. 129—150.

⁴⁴ Н. Н. Чебоксаров, К этнической антропологии Южного Китая, «Сов. этнография», 1973, № 5, стр. 40—50; Р. Ф. Итс, Этническая история юга Восточной Азии, Л., 1973, стр. 3—56.

Центральноазиатская историко-этнографическая провинция

К Центральноазиатской историко-этнографической провинции должны быть отнесены МНР и некоторые районы КНР (Внутренняя Монголия, большая часть Ганьсу, Цинхай, Тибет и Синьцзян). В отличие от Юго-Восточноазиатской и Восточноазиатской провинций, тяготеющих к океанам и включающих значительное количество больших и малых островов, Центральная Азия чисто материковая территория; значительные районы в ней не имеют стока в океан и представляют собой внутренние замкнутые бассейны. Климат повсеместно выражено континентальный с огромными суточными и сезонными колебаниями температуры, почти везде сухой. Большие пространства заняты пустынями (Гоби, Такла-Макан и др.), полупустынями, сухими степями и горными ландшафтами, вовсе непригодными или малопригодными для земледелия⁴⁵. Впрочем, в начале и середине плейстоцена, когда древнейшие люди расселялись по поверхности земли, в этой части ойкумены периодически существовали более благоприятные климатические условия. Гипотеза о Центральной Азии как о прародине человечества, в свое время очень популярная, в настоящее время почти оставлена, но появление здесь архантропов в нижнем палеолите не вызывает никаких сомнений. Новейшие археологические материалы позволяют предполагать, что древнейшие бродячие охотники и собиратели могли проникнуть в глубь Азии двумя путями: более ранним — с юга (культуры чопперов и чоппингов) и несколько более поздним — с запада (культуры рубил ашельского типа)⁴⁶. В позднем палеолите люди уже освоили большую часть Азии, включая некоторые районы Тибета. Земледелие появилось в Монголии, Синьцзяне и Цинхае почти одновременно с Северным Китаем и носило примерно такой же характер; крашенная керамика Цинхая относится к среднему периоду Яншао. Как и в бассейне Хуанхэ, неолитические насельники Центральной Азии кроме земледелия занимались разведением свиней и собак, а также охотой, рыболовством и собирательством.

Антропологические данные о древнем населении Центральной Азии почти отсутствуют. Однако, учитывая фрагментарные материалы по соседним территориям (например, Средняя Азия, Сибирь, Маньчжурия) и исследования населения более поздних исторических периодов, можно с высокой долей вероятности предполагать, что рассматриваемая провинция входила в зону формирования широко- и высоколицых континентальных монголоидов, которые на востоке взаимодействовали с монголоидами тихоокеанскими (восточными и южными), а на западе и северо-западе смешивались, начиная по крайней мере с неолита, с проникшими далеко в глубь Азиатского материка южными европеоидами⁴⁷. Хотя земледелие (преимущественно оазисного типа) существовало во многих районах Центральной Азии с глубокой древности, а искусственное орошение арычного типа достигло местами высокой степени развития, все же для народов этой историко-этнографической провинции наиболее характерны сложившиеся на базе древней степной охоты и собирательства различные скотоводческие хозяйственно-культурные типы: первоначально пастушеские, а позднее, с рубежа II и I тысячелетий до н. э., — кочевнические. Среди последних наибольшую роль играли

⁴⁵ «Физико-географическое районирование Китая. Сб. статей», М., 1957, стр. 70—87.

⁴⁶ А. П. Окладников, Палеолит Монголии (К истории первоначального освоения человеком Центральной Азии), IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973), стр. 1—15.

⁴⁷ Н. Н. Чебоксаров, Антропологический состав населения Восточной Азии, в кн. «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), стр. 76—89; Э. Р. Тенишев, Еще раз о происхождении лобнорцев, «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. IX, М., 1970, стр. 355—360; А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 94, 95.

монголо- и тюркоязычные кочевники степей и полупустынь Монголии, Восточного Туркестана (Синьцзяна), отчасти Цинхая и высокогорные скотоводы Тибета. В составе стада у скотоводов Центральной Азии преобладали овцы и лошади, были распространены также козы и крупный богатый скот, а в высокогорных районах — яки и их помеси с коровами (сарлык или цзо); в пустынных районах разводили двугорбых верблюдов. В оазисах и других орошаемых районах выращивали засухоустойчивые злаки (просо, чумиза, джугара (сорго поникшее), некоторые сорта пшеницы), в возвышенных районах — ячмень, овес, гречиху; в последние века широко распространились также кукуруза и картофель. Как и в Восточной Азии, видное место в сельском хозяйстве заняли масличные и бобовые. В Синьцзяне развито овощеводство, бахчеводство, плодоводство и виноградарство.

Для большинства кочевых и полукочевых народов Центральной Азии характерны переносные жилища: круглые юрты с деревянным решетчатым остовом и войлочным покрытием у монголов и тюрков или прямоугольные шатры на жердяном каркасе, покрываемые шкурами животных, кошмами или полотнищами шерстяной ткани у тибетцев. Очаг помещается внутри жилища; он служит как для приготовления пищи, так и для отопления. Утварь и посуда большей частью кожаные или чугунные, керамика почти отсутствует, зато широко распространены кожаные сосуды типа бурдюков.

В пище главная роль принадлежит вареному мясу (прежде всего баранине), жирным мясным супам, разным молочным продуктам, в частности топленому маслу, овечьему сыру и кислому молоку. Хлеб употребляется в виде лепешек — пшеничных, ячменных, гречневых и др. Наиболее распространенный напиток — чай, который многие кочевники пьют подсоленным, с молоком и маслом; кобылье молоко используется для приготовления кумыса.

Главные элементы костюма — шерстяные туникообразные рубахи, суконные халаты или куртки, штаны с широким шагом (как у мужчин, так и у женщин), меховые шубы или овчинные тулупы, кожаные сапоги, меховые шапки или фетровые шляпы разных фасонов.

Для прикладного народного искусства кочевников Центральной Азии характерны инкрустации и аппликации на кожаных изделиях, резьба по кости и дереву, чеканка, изготовление войлочных ковров, вышивка. Очень популярны конно-спортивные состязания, разные виды борьбы, соревнования лучников. С кочевым бытом связан также богатый фольклор народов рассматриваемой провинции, герои которого всегда являются лихими наездниками, меткими стрелками, отважными воинами и охотниками. Широко распространены эпические произведения, в особенности сказания — улишери о Гэсэр-хане и других богатырях⁴⁸.

Конечно, многие особенности традиционно-бытовой культуры, непосредственно связанные с кочевым или полукочевым образом жизни, характерны не для всех народов Центральной Азии, а только для тех из них, у которых этот образ жизни сохранился до нашего времени или сохранился еще недавно. Наряду с кочевниками в Центральноазиатской историко-этнографической провинции, особенно в Синьцзяне или на юге

⁴⁸ Сводку фактических данных по этнографии Центральной Азии см.: В. В. Овчинников, Путешествие в Тибет, М., 1957; Ю. И. Журавлев, Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны, «Восточноазиатский этнографический сборник», II, М., 1961, стр. 79—136; его же, Тибетцы, в кн. «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1965, стр. 503—522; К. В. Вяткина, Народы МНР, там же, стр. 697—788; ее же, Монгольские народы КНР, там же, стр. 652—671; С. А. Арутюнов, С. М. Абрамзон, И. В. Захарова, Э. Р. Тенишев, Д. И. Тихонов, Тюркские народы, там же, стр. 615—651; «Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции», Новосибирск, 1972.

Тибета (долина Цангпо), расселено немало оседлых земледельцев, традиционно-бытовая культура которых значительно отличается от культуры соседних кочевников, хотя и имеет с ней много общих черт. Эти земледельческие группы строят, например, постоянные глинобитные, деревянные или каменные жилища, в большом количестве употребляют в пищу растительные продукты, в частности мучные изделия, овощи и фрукты; нередко шьют одежду из бумажных, пеньковых или шелковых тканей.

С центральноазиатским животноводством, особенно с коневодством, связано, по-видимому, и возникновение оленеводства, которое до настоящего времени играет известную роль в хозяйстве некоторых групп тувинцев на севере МНР, а также у эвенков, живущих на западных склонах Большого Хингана в пределах Внутренней Монголии. Возможно, что первоначальный очаг оленеводства находился в Саянах, на границе Центральной Азии и Сибири. У центральноазиатских, как и у сибирских таежных, оленеводов-охотников до недавнего времени сохранялись такие характерные особенности материальной культуры, как ступательные лыжи, ручная нарта; использование оленя преимущественно как вьючного и верхового животного, коническое жилище типа чума, одежда из ровдуги (тщательно выделанной, наподобие замши, оленьей шкуры), обувь типа мокасин и т. п.⁴⁹

Этническая история Центральной Азии характеризуется длительным взаимодействием сложившихся здесь народов, говорящих на алтайских языках: тюрков, монголов и отчасти тунгусо-маньчжуров с народами китайско-тибетской семьи — собственно тибетцами и близкими к ним этническими общностями, а позднее с китайцами (хань) и говорящими по-китайски исламизированными хуэй.

На западных рубежах провинции большую этногенетическую роль играли и индоевропейские, преимущественно ираноязычные, народы, проникавшие далеко на восток, вплоть до Тибета и Северного Китая. Сложное переплетение разных этносов сопровождалось расовой метисацией континентальных и тихоокеанских монголоидов с европеоидами⁵⁰. Нейтральной Азии, где местные верования и культы с сильно развитым шаманизмом вроде религии «бон» в Тибете скрещивались с буддизмом разных направлений (особенно с ламаизмом), с мусульманством в форме суннизма и шиизма разных толков и в меньшей степени с христианством. Во Внутренней Монголии, Синьцзяне и Тибете тюркские, монгольские и тибетские народы сохранили численное преобладание и хозяйственно-культурную самобытность вплоть до 60-х годов XX в.⁵¹ Народы МНР с помощью СССР пошли по пути национальной консолидации и строительства социализма, оказавшего глубокое преобразующее влияние на всю их материальную и духовную культуру.

⁴⁹ Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, «Сов. этнография», 1951, № 1, стр. 63—87; С. И. Вайнштейн, Проблема происхождения оленеводства в Евразии, «Сов. этнография», 1970, № 6, стр. 3—14; 1971, № 5, стр. 37—52.

⁵⁰ Линь Яо-хуа, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 34; А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 106—110; Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этнической истории Тибета в свете данных антропологии, в кн. «Центральная Азия и Тибет», Новосибирск, 1972, стр. 29—31; Prince Peter of Greece and Denmark, E. L. Edlberg, Y. Balslev Jørgensen, K. Paludan and H. Siiger, Anthropological researches from the 3rd Danish Expedition to Central Asia, København, 1966.

⁵¹ См. Б. Ширендыб, Великодержавный шовинизм группы Мао Цзе-дуна, в кн. «Маоизм глазами коммунистов», М., 1969, стр. 79—92; Т. Р. Рахимов, Национальный вопрос в КНР, в кн. «Китайская Народная Республика», М., 1970, стр. 169—188.

Почти все народы рассмотренных нами историко-этнографических провинций Африки и Зарубежной Азии в настоящее время сохранили многие характерные особенности своей традиционно-бытовой культуры. Поэтому можно с полной уверенностью считать, что выделенные историко-этнографические или историко-культурные провинции и входящие в их состав области, имеющие длительную и сложную историю (истоки которых восходят к зарождению и распространению «производящих» форм хозяйства), и в наши дни являются этнографической реальностью. Вместе с тем, как было отмечено еще в начале статьи, многие народы этих провинций с конца XIX и начала XX в. претерпели ряд глубоких социально-экономических и культурных преобразований, особенно после второй мировой войны, когда они освободились от колониального ига и завоевали политическую независимость. Только на юге Африканского континента (в ЮАР, Родезии и Намибии) еще сохраняются расистские режимы, основанные на бесправии коренных африканцев. Современные экономические процессы вовлечения в мировой капиталистический рынок многих стран Африки и Азии, неравномерность научно-технического прогресса, рост промышленности и городов — все это увеличивает контрасты экономики и культуры, углубляет различия между отдельными районами, а также между социальными группами населения. В то же время развитие коммуникаций и различных средств связи, а также общие политические и экономические интересы, возникшие в ходе борьбы за освобождение от колониального гнета, объединяют разрозненные прежде народы. Для многих из этих стран характерно сохранение традиционной культуры в сельской местности и в то же время быстрое внедрение многих интернациональных черт в быт городского населения.

Большое влияние на формирование новых форм культуры в развивающихся странах Африки и Азии оказывают прогрессивные процессы роста и укрепления мировой социалистической системы, распространение идей социализма, борьба трудящихся масс за некапиталистический путь развития.

AN ATTEMPT AT AN HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC REGIONALIZATION OF CERTAIN AREAS OF AFRICA AND ASIA

The authors have made in their paper an attempt to subdivide into regions and describe certain broad areas in Tropical Africa, South-Eastern, Eastern and Central Asia at the turn of the XXth century. The areas in question have much in common but they also differ in many particulars. The distinctive character and cultural unity of individual territories are a result of common historical destinies through many generations linked by linguistic continuity and many specific features in their material and intellectual culture.

The historical-ethnographic or historical-cultural provinces that have been delineated and the regions into which they are further subdivided have a long and involved history. But in our times they form ethnographic entities, since almost all the peoples inhabiting them have conserved many characteristic traits of their traditional everyday culture. At the same time the population of these provinces have by the mid-XXth century passed through a number of profound social-economic and cultural changes, especially after the Second World War, when they gained emancipation from the colonial yoke and political independence.